

14 октября 2014 г., Радио России

В эфире программа «Облака»... Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйтесь. У микрофона Ирина Новожилова.

Как завещал нам легендарный герой романов Ильфа и Петрова, «уголовный кодекс надо чтить». Но судя по трем сотням поправок, которые только в последние несколько лет внесли в Уголовный кодекс российские законодатели, заветам Остапа Бендера не следуют в первую очередь сами парламентарии. Хорошо, что они и сами это понимают, и уже с февраля этого года в Государственной Думе действует рабочая группа, которая занимается системным анализом законодательства и правоприменительной практики. Пересматривать уголовное законодательство, правда, пока никто не решает. Но Общественная палата РФ собирается инициировать всероссийскую общественную дискуссию о нашем уголовном законодательстве, в ходе которой будут выработаны предложения для новых версий трех кодексов – Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного.

Ныне действующий Уголовный кодекс рождался в период активных демократических процессов начала 90-х годов прошлого века и несет отражение радикальных перемен и взглядов того времени. По мнению заместителя секретаря Общественной палаты и члена Ассоциации юристов России Владислава Гриба, реформа УК назрела давно, поскольку в нынешнем виде он не отвечает современным запросам. Однако понимания, в каком именно направлении должно происходить реформирование, сегодня нет. Судя по настроениям, преобладающим в российском обществе, систему наказаний следует ужесточить. Но если законодатели пойдут по этому пути, наша страна рискует вскоре вновь оказаться в мировых лидерах по тюремному населению.

За последние годы нам удалось уступить это отнюдь не почетное лидерство, и сейчас мы занимаем лишь четвертое место в мире по доле заключенных в составе населения и третье место по абсолютному их числу – после США и Китая. В Европе и Азии Россия по-прежнему впереди всех со значительным отрывом. По данным Федеральной службы исполнения наказаний, к 1 сентября 2014 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы России находилось 674,5 тысячи человек, что составляет 469 заключенных на сто тысяч населения. Для сравнения – в странах Западной Европы в среднем около 100 заключенных на сто тысяч жителей.

Эти данные приводятся в статье доктора социологических наук Искэндера Ясавеева, доцента Казанского федерального университета. Предметом исследований ученого был финский опыт реформ в области уголовной политики. Реформы оказались настолько успешными, что в результате

Финляндии удалось стать достойным членом сообщества скандинавских стран, отличающихся самым низким уровнем тюремного населения. А ведь еще в середине XX века Финляндию называли не больше – не меньше как «страной тюрем», и реформы здесь начались с осознания того, что высокий процент заключенных является серьезной социальной проблемой и позором для страны. Первыми, кто поставил на повестку дня проблему неадекватности уголовной политики, были криминологи. В нашей же стране ценность мнения научного сообщества практически всегда уступает соображениям политической целесообразности, а успешный опыт других стран в России воспринимается как чуждый и априори не приемлемый в силу ее уникальности.

У микрофона доктор социологических наук Искэндэр Ясавеев:

Кроме следования этой абсолютно устаревшей сегодня аксиоме – «вор должен сидеть в тюрьме» – я не вижу других объяснений. Это следование традициям, следование представлениям об отсутствии альтернатив лишению свободы. Но есть же другой опыт. Почему российские практики столь закрыты? Почему нет интереса к тому, как удавалось успешно менять эту ситуацию и изменять уголовную политику? Причем без каких-то серьезных издержек. То есть, без роста преступности. Пример Финляндии в этом отношении очень убедителен. Финны хорошо продумали и осуществили серию реформ. И если Финляндия еще полстолетия назад лидировала в Европе по числу заключенных, то сейчас она на одном из последних мест – в разы число заключенных сократилось. И данные исследований показывают, что никакого влияния на уровень преступности это не оказало. То есть никак это не сказалось.

Действительно, в обыденном сознании практически всегда присутствует убежденность в неразрывной связи между суровостью системы наказаний и уровнем преступности. Но фактического, научного подтверждения этой, по мнению многих, очевидной истины до сих пор так и не существует. Нет и доказательств, что угроза в виде длительного тюремного заключения как-то серьезно влияет на профилактику совершения преступлений. Продолжает Искэндэр Ясавеев:

Нет данных, убедительных, серьезных данных, которые доказывали бы существование этого превентивного эффекта, то есть реализации функции общей превенции. Дискуссия о том, эффективны ли суровые наказания, ведется уже в течение десятилетий, даже столетий... Криминологи, которые занимаются этим вопросом, утверждают, что массивов данных, подтверждающих такого рода эффективность, нет. Возьмем смертную казнь, крайнюю меру. Даже в этом случае нет подтверждения, что она эффективна и кого-то удерживает от совершения преступления, иначе в тех странах, где применяется смертная казнь, был бы самый низкий уровень убийств. В США в тех

штатах, где действует смертная казнь, уровень преступности не ниже, чем в штатах, где смертная казнь не используется.

Аргументы в пользу того, что можно смягчать уголовную политику, и это не приведет к росту числа преступлений, известны и повторяются в течение десятков лет в многочисленных научных статьях и в профессиональных дискуссиях. Тем не менее, общественное мнение, по определению, консервативно, народ требует от политиков обеспечения безопасной и благополучной жизни. Это касается любой страны, но в разной степени. В некоторых странах преодолеть этот репрессивный рефлекс уже удастся. Хотя и там тоже бывают рецидивы. Искэндэр Ясавеев:

Когда отменяли смертную казнь в европейских странах – то есть исключали ее из арсенала наказаний – общественное мнение было настроено против, и до сих пор, когда совершаются громкие преступления, люди выступают в поддержку смертной казни, вспоминают об этой мере наказания. Но проходит время, и граждане начинают воспринимать это как данность, и, наоборот, гордятся тем, что в их стране нет смертной казни. Всегда такие реформы были непопулярны. Но можно осуществлять изменения, которые не будут выглядеть радикальными, и вместе с тем приведут к значительному сокращению числа заключенных. Например, в Финляндии все заключенные освобождаются условно-досрочно. То есть, полный срок, к которому приговаривает людей суд, никто не сидит. В основном, заключенный освобождается после двух третей срока. Автоматически. Подростки освобождаются после половины срока.

Автоматическое освобождение из тюрьмы после отбытия части срока означает, что нет произвола со стороны начальника тюрьмы, со стороны всех тех, от кого зависит принятие решения. Внешне наказание выглядит значительно более внушительным, чем оно есть в действительности. Но что характерно – даже такие небольшие сроки, которые преобладают в скандинавских странах, не сказываются негативно на уровне преступности. Люди все равно не хотят попадать в условия несвободы, даже на короткий срок. И распространенные опасения общества в отношении смягчения уголовной политики не оправдываются. Предположение о том, что это связано с особым менталитетом населения западноевропейских стран, Искэндэр Ясавеев считает необоснованными:

Мне кажется, нет в России никакого особого менталитета. Обычно люди начинают ссылаться на менталитет, когда что-то не могут объяснить. Это очень давняя тема, и давно уже очень хорошо показано: когда люди совершают преступления, они всегда надеются на то, что не будут наказаны. То есть, никто не совершает преступление, рассуждая: «если я буду наказан, что я получу?» Такого рода рациональный расчет отсутствует. Люди совершают

преступления и надеются, что их не задержат. А сама тяжесть наказания, она в данном случае не столь значима.

Начиная с 1960-х гг., финны существенно смягчили свое уголовное законодательство, декриминализировали ряд деяний, изменили структуру уголовных санкций, значительно увеличив долю штрафов и условного лишения свободы, сократили продолжительность тюремных сроков, ввели и распространили такую новую для Финляндии альтернативу тюремному заключению, как общественные работы. Определенную роль сыграли амнистии, существенное смягчение наказаний за кражу, вождение автомобиля в пьяном виде и другие виды преступлений, а также наказаний несовершеннолетних правонарушителей. Доля условного заключения увеличилась в этот период с 30 до 70% в тех случаях, когда назначалось реальное или условное лишение свободы. В настоящее время лишь в 12% случаев рассмотрения дел финские суды выносят решение о реальном лишении свободы. Приговором к штрафу заканчивается 60% случаев рассмотрения правонарушений в судах. 99% заключенных освобождаются условно-досрочно после половины или двух третей срока. Минимальный срок тюремного заключения, который необходимо отбыть для освобождения условно-досрочно, составляет 14 дней.

Изменились и условия, в которых содержатся заключенные. При описании финских тюрем даже неловко использовать слово «камеры», настолько они похожи на гостиничные номера. Да, людей лишают свободы, но не более того. Пища, бытовые условия, интерьер, возможности для образования и работы – почти такие же, как на воле. И снаружи тюрьма не выглядит, как тюрьма. В то же время правительство выполняет свои обязательства перед обществом, контролирует рост преступности, и у общества нет особых причин, чтобы быть несогласным с такой либеральной уголовной политикой. Хотя вначале было сильное сопротивление реформам. То, как удалось его преодолеть, что и как было достигнуто за годы реформ, анализируется в статьях финских криминологов, собранных Искэндэром Ясавеевым в книге под названием «От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли». В Финляндии именно ученые стояли у истоков реформ и занимались их разработкой. Рассказывает доктор социологических наук Искэндэр Ясавеев:

В Финляндии уголовная политика продумывалась криминологами, фактически это была работа университетских людей, реформы разрабатывались учеными. Очень важно, что дистанция между учеными и людьми, принимающими решения, была короткой. И, например, министры юстиции имели серьезное криминологическое образование, они фактически были включены в университетское сообщество. Реформы проводилось на основании результатов исследований... В нашем случае больший вес имеют другие факторы. Проблема в состоянии общественного мнения: большая часть россиян

выступает за ужесточение уголовного кодекса, и в этой ситуации его смягчение будет означать проведение непопулярной политики.

Россия и Финляндия отличаются многими факторами, которые как раз и определяют уголовную политику – например, типом политической культуры, уровнем страха людей перед преступностью, социальной политикой. Успех реформ в Финляндии был обеспечен не только изменениями в законодательстве, но и готовностью госслужащих, занимающих ключевые позиции, судей и руководства тюрем использовать все возможные средства для сокращения численности заключенных. Очень важное значение для реформ в Финляндии имела “мировоззренческая готовность” судей и прокуроров к осуществлению такой уголовной политики.

Все эти факторы надо учитывать во время дискуссий о необходимости и направлениях реформирования российской уголовной политики. При этом будущая всероссийская дискуссия, запланированная Общественной палатой, должна стать той площадкой, на которой будут иметь возможность высказаться и представители научного сообщества, и не только ведомственных, но и гражданских вузов. Для тех, кто заинтересовался книгой с описанием финского опыта сокращения тюремного населения, сообщаем, что она доступна в Интернете на сайтах [Penal Reform International](#) и [Казанского федерального университета](#).

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.